

«ХОДЖАЛЫ», ТОМАС ГОЛЬЦ (THOMAS GOLTZ)

26 февраля 1992 года казался обычным рабочим днем. Министр иностранных дел Ирана Али Акбар Велаяти (Ali Akbar Velayati) вернулся в город для того, чтобы наконец завершить процедуру дипломатического признания Азербайджана, а также чтобы ответить на недавние комментарии государственного секретаря США Джеймса Бейкера (James Baker III) об усиливающейся угрозе иранского влияния в странах Кавказа и Средней Азии.

Иранский эмиссар утверждал, что риск для региона представляет не Иран, а Соединенные Штаты Америки, которые несут ответственность за непрекращающееся кровопролитие в разных странах мира. Именно Америка настойчиво разжигала конфликт в Нагорном Карабахе, в то время как Иран, напротив, заинтересован в мире между странами и народами. Потому доктор Велаяти подготовил план мирного урегулирования все более кровопролитного и бессмысленного конфликта в Нагорном Карабахе, который согласились подписать и Армения, и Азербайджан. Сам г-н Велаяти планировал посетить Карабах на следующий день.

Эта новость заслуживала освещения в печати. Я готовил материал для «Вашингтон Пост», когда в мой кабинет вбежала Хиджран. Представители информационного подразделения Народного фронта передали по телефону крайне тревожные вести: источники в Агдаме сообщали о множестве азербайджанских беженцев из Карабаха, которые заполнили улицы города, спасаясь от массированного нападения. Обе стороны этого конфликта были склонны к преувеличениям, и, возможно, это было одно из них, но я решил все же сделать ряд звонков. Как ни странно, в правительстве не ответили. Возможно, все были во дворце «Гюлистан», где проходил официальный обед для иранской делегации. Я подождал немного и начал звонить людям домой. Около полуночи дозвонился до Вафы Гулизаде.

– Прости за поздний звонок, - извинился я, - но что насчет этого слуха?

– Я не могу об этом говорить, - ответил Вафа и повесил трубку.

Меня охватила тревога. Обычно Вафа был исключительно вежлив. Может быть, мой звонок его разбудил? Я решил все равно перезвонить, но в следующие полчаса его номер был занят. «Может, он положил трубку рядом с аппаратом», — подумал я и решил предпринять последнюю попытку дозвониться.

– Вафа, - сказал я, вновь извинившись, - что происходит?

– Произошло нечто ужасное, - простонал он.

– Что? - спросил я.

– Резня, - ответил он.

– Где?

– В Карабахе, в городе Ходжалы, - сказал он и снова повесил трубку.

Ходжалы.

Я бывал там раньше, причем даже дважды. В первый раз в сентябре, когда мы стояли наготове в аэропорту и ждали прибытия Бориса Ельцина. Во второй — месяц назад, в январе 1992 года. К этому моменту добраться до Ходжалы можно было только на вертолете, потому что армяне перекрыли дорожное сообщение с Агдамом. Я помнил это маленькое приключение во всех деталях. Усомнившись в многочисленных сообщениях армянской стороны о том, что азербайджанцы полностью вооружены, а их вертолеты для развлечения летают над армянскими деревнями в районе, пугая жителей, мы с Хью Поупом (Hugh Pope) из лондонской газеты «Индепендент» отправились в Агдам, чтобы расспросить беженцев об их положении.

Разыскать в Агдаме беженцев не составляло труда. Они были повсюду. Особенно много их было на летном поле, по той простой причине, что многие из них не хотели больше быть беженцами: они собирались вернуться в Ходжалы, в свои дома. Их гордость заглушила голос разума. Я встретил там 35-летнюю мать четверых детей, ее звали Зюмрют Изова. Когда я спросил ее, зачем она ехала обратно, она ответила, что лучше «умереть в Карабахе», чем просить милостыню на улицах Агдама.

– Почему правительство не может открыть дорогу? - прокричала Зюмрют мне в ухо, стараясь перекрыть шум вертолетных двигателей. - Почему они заставляют нас летать, будто уток, которых вот-вот собьют?

У меня не было ответа.

Через летное поле по направлению ко мне шагал какой-то человек. Это был Алеф Хаджиев, начальник службы безопасности аэропорта в Ходжалы, который три месяца назад, во время визита Ельцина, спас нас от агдамских пьяных хулиганов. Тогда он был довольно жизнерадостным. Сейчас, хоть он мне и улыбался, было видно, что ему не до веселья. Я спросил, как обстояли дела в его родном городе.

– Поехали, - сказал Хаджиев. - Поехали в Ходжалы. Сами все увидите и сможете написать правду, если осмелитесь.

За его спиной стоял вертолет МИ-8, лопасти которого медленно вращались. Множество беженцев пытались пробиться на борт. Вертолет был уже слишком перегружен людьми, едой и вещами, на площадке ждал еще багаж, в том числе проржавевшая пушка (70 мм) и многочисленные ящики с боеприпасами.

– Я не поеду, - сказал Поуп, - У меня жена и дети.

Винт начал крутиться быстрее, решать надо было быстро.

– До встречи, - сказал я, мысленно спрашивая себя, состоится ли она.

Я поднялся на борт, где уже находились 50 человек, при максимальной загрузке 24, разнообразное снаряжение и кладь. Я подумал: «Это безумие». У меня еще было время выйти. Потом стало поздно. Накренившись, вертолет оторвался от земли, и я почувствовал подступившую к горлу тошноту. Я видел Поупа, который махал мне рукой, уходя с поля, и мечтал оказаться рядом с ним на твердой земле. Поднимаясь по спирали, МИ-8 набрал 3500 футов: этой высоты хватит, чтобы пройти над

Аскераном в Ходжалы вне зоны поражения артиллерии армян. За последние два месяца были сбиты две дюжины вертолетов, включая не только борт с чиновниками (этот вертолет потерпел крушение и, возможно, был сбит) в ноябре, но и другую «пташку» неделей ранее. Как сказал мне бортмеханик, наш борт за неделю до этого получил пробоину в топливном баке. К счастью, топлива в нем было мало, а пуля вошла в верхнюю часть. Приятно было узнать об этом в вертолете, который летел над ущельем в Аскеране, борясь со встречным ветром и ледяным дождем.

Сквозь разрывы в облаках я видел грузовики и автомобили на дорогах внизу — это были армянские машины, заправленные бензином и дизелем, переправленным из Армении по воздушному мосту (или купленным у наживавшихся на войне азербайджанцев).

Судьба была к нам благосклонна, и, в конце концов, после путешествия, которое казалось многочасовым, но на деле не заняло больше 20 минут, мы начали по крутой спирали снижаться на летное поле в Ходжалы. Если вам не довелось пережить такой полет, вы не сможете представить себе, что я почувствовал, когда шасси вертолета коснулись земли.

Я жив! Мне хотелось кричать, но я подумал, что правильнее будет сохранять хладнокровие и вести себя так, будто я проделываю подобное пару раз в день.

– Как вы себя чувствуете? — спросил меня Алеф Хаджиев.

– Нормально, - невозмутимо соврал я по-русски.

Тем временем вертолет окружили местные жители. Некоторые пришли встречать вернувшихся близких, другие хотели первыми оказаться на борту вертолета, который скоро должен был улететь обратно. Все хотели узнать последние новости остального Азербайджана, они пришли за газетами, сплетнями и слухами.

Причины такого ажиотажа были вполне понятны. В Ходжалы не было телефонной связи, не было ничего: ни электричества, ни мазута, ни работающего водопровода. Единственной связью с внешним миром оставался вертолет, каждый перелет которого был сопряжен с риском. С наступлением ночи изолированность этого места стала особенно очевидной. Вместе с Хаджиевым и некоторыми из его людей я отправился во временное помещение столовой крошечного гарнизона, и пока в мерцающем свете свечей мы ели армейскую тушенку с сырым луком и черствым хлебом, он рассказал мне последние новости с передовой.

Дела были плохи и шли все хуже и хуже, сказал мне подавленный Хаджиев. За последние три месяца армяне заняли все близлежащие деревни, одну за другой. Под контролем азербайджанцев оставались только два города, Ходжали и Шуша, сообщение между ними было перерезано. Я знал, что ситуация ухудшалась, но не мог и подумать, что все было настолько плохо.

– Потому что ты веришь тому, что говорят в Баку, — фыркнул Алеф. — Нас продали, продали с потрохами.

Баку мог бы открыть дорогу в Агдам за один день, если бы этого хотело правительство, сказал он. Теперь он думал, что власти на самом деле были заинтересованы в том, чтобы карабахский котел понемногу кипел, отвлекая

внимание общественности, пока элиты потихоньку разграбляют страну.

– Если ты в своей статье сошлешься на меня, я буду все отрицать, – сказал он. – Но это правда.

Его отряду численностью чуть более 60 человек не хватало оружия и подготовки, чтобы обеспечить оборону по всему периметру. Единственными азербайджанскими солдатами, которые чего-то стоили, были четыре добровольца — ветерана афганской войны, которые пытались привнести некоторую дисциплину в ряды защитников города. Остальные были новичками, и когда с армянской стороны долетала одна очередь, отвечали шквальным огнем, бесцельно тратя половину своего драгоценного запаса боеприпасов. Так было и в эту ночь: около двух часов я проснулся от грохота отдаленных выстрелов, доносившихся со стороны соседнего армянского поселения Ларагук, расположенного в 400 километрах от района Ходжалы, который, по иронии судьбы, назывался «Хельсинкские домики». На огонь армянского снайпера ответили сотней выстрелов с азербайджанской стороны и даже огнем старого БТР, недавно купленного у одного русского дезертира. Это было единственное бронетанковое средство, которое я обнаружил в распоряжении азербайджанцев. До рассвета перестрелка то затихала, то возобновлялась, не давая заснуть. Никто не знал, когда армяне планируют заключительный бросок, чтобы захватить город; все знали, что это случится однажды ночью. Ходжалы обеспечивал контроль над аэропортом Степанакерта и потому явно был главной целью армян. Они должны были взять его. Я подумал, что на их месте я бы непременно сделал это. За этой мыслью последовала другая, более тревожная: если это произойдет, что ждет местных жителей?

Утром люди просто стояли вокруг. В буквальном смысле. Рядом не было не одной чайной лавки или ресторана, где можно было бы провести время, так что люди просто стояли маленькими группками на улицах, покрытых гравием и мусором, и ждали. Единственным человеком, который действительно что-то делал, была очень полная девушка-продавщица из магазина тканей, в котором нечего было продавать. Сначала я увидел, как она, переваливаясь, спешила на работу в девять часов утра. Она была настроена так решительно, что я пошел за ней в магазин. В следующий раз я увидел ее уже на видеозаписи: мертвая, она лежала на земле среди других тел, но это было потом. Остальные просто ждали, ждали, когда упадет топор палача. Я только молился, чтобы этого не случилось, пока я был там.

Мы потратили впустую все утро, проторчав в аэропорту. Рядом оказался фотограф азербайджанского новостного агентства, и парни-военные устроили для него настоящее шоу: они выбегали из бункеров и следовали за старым БТР с автоматами наперевес.

– Давайте повторим, но на этот раз я хочу снять вас спереди, – попросил оператор.

Мне стало неприятно, и я отказался участвовать в этой постановке.

– Эти парни скоро погибнут, – сказал я себе. – И я не хочу умирать вместе с ними только потому, что они настолько глупы, чтобы стрелять по теням, которые стреляют в ответ.

Алеф Хаджиев, похоже, был согласен со мной. Мы сидели в тишине, смотрели, как его люди позируют на камеру, бегая туда-сюда с героическим выражением лица.

– Попробуем еще разок! – кричал фотограф.

Сказать было больше нечего.

Наконец, около полудня, я услышал характерный звук вертолета, летящего высоко над ущельем. Слава Богу! Я ликовал, но старался выглядеть безразличным. Потом я начал пробираться к летному полю и успел как раз вовремя, чтобы увидеть, как перегруженная птица извергает свой груз: еду, оружие и возвращающихся беженцев. Один ребенок выбирался наружу с клеткой с канарейкой, или, может быть, он, наоборот, залезал внутрь. Думаю, он прилетел, но точно сказать не могу. В аэропорту было много людей, как прибывающих, так и стремящихся уехать, и я был лишь одним из них.

Когда тех, кто садился на борт, стало больше, чем тех, кто выходил, я попытался забраться в вертолет. Мне не было дела до того, что машина несла груз, в два или три раза превышающий максимально разрешенный вес. Меня не волновало то, что среди этого груза было тело одного из парней Хаджиева, погибшего прошлой ночью от пули. Я подумал, что, возможно, он был одним из тех, с кем мы накануне ели советскую тушенку за ужином, но из уважения к приличиям решил не заглядывать под простынь, прикрывавшую его лицо. Двигатели чихнули и взвыли, и, накренившись, вертолет поднялся в небо. На этот раз лететь я не боялся. Я просто хотел выбраться оттуда. Мы взбирались все выше и выше и прошли над Аскеранским ущельем на высоте 3500 футов, подгоняемые попутным ветром. Может быть, нас обстреливали с земли, я не знаю. Знаю одно: никогда больше я не хотел бы вернуться в Ходжалы.

Даже обет давать не нужно.

В последний раз вертолет летал в окруженный город 13 февраля.

Последняя еда, кроме местного картофеля, закончилась к 21 февраля.

Стрелки часов спешили, отсчитывая минуты до катастрофы.

Она разразилась в ночь на 26 февраля, в годовщину армянских погромов в Сумгаите в 1988 году. Однако на этот раз мстители требовали за око не око, а голову целиком.

В семь утра мы уже сидели в машине, которая мчалась через монотонные равнины центрального Азербайджана на бешеной скорости. Коричневые колхозные хлопковые поля простирались во все стороны до самого горизонта. По обочинам дороги стояли мужчины, которые тщетно пытались остановить машину, когда мы проносились мимо. В городке под названием Тертер мы остановились, чтобы заправиться, и заодно расспросили местного мэра о том, что происходит в Агдаме. Он сказал, что ничего не знает. Потом мы остановились в селении Барда и снова попытались расспросить местных о положении дел и слухах. В ответ мы встречали непонимающие взгляды. Мы уже начинали думать, что все это было болтовней и преувеличением, но когда мы приехали в Агдам и направились в центр города, чтобы перекусить, то увидели там беженцев. Их было сначала десять, потом двадцать, потом сотни кричащих и стонающих жителей Ходжалы. Некоторые узнавали меня, так как я раньше бывал в их городе. Они хватали меня за одежду,

бормотали имена погибших родных и друзей и тянули меня к зданию морга, пристроенному к центральной мечети города, чтобы показать мне тела своих близких.

Сначала поверить в то, что рассказывали выжившие, было трудно: армяне окружили Ходжалы и предъявили ультиматум — убираться из города или умереть. Потом последовали подробности о последних днях в городе, и многие рассказывали о судьбе командира Алефа Хаджиева.

Предчувствуя катастрофу, Алеф умолял власти прислать вертолеты, чтобы спасти хотя бы мирных жителей, но Баку не сделал ничего. Тогда, ночью 25 февраля, армянские фидайны напали на город с трех сторон. Четвертая была открыта, чтобы из города смогли уйти беженцы. Алеф отдал приказ об эвакуации: защитники должны были сдерживать наступление вдоль склона долины реки Гаргар, пока женщины, дети и старики будут уходить по нижней дороге. Пробираясь по дороге ночью, под огнем, утром 26 февраля беженцы подошли к селению Нахчыванлы, расположенному на горном выступе Карабаха. Они перешли дорогу и устремились вниз к передовым азербайджанцев и городу Агдаму. Они были всего в шести милях от азербайджанской заставы в Шелли.

Здесь, среди холмов, вблизи кажущейся безопасности, их внезапно встретил шквал огня. «Они стреляли, и стреляли, и стреляли», — голосила женщина по имени Раиша Асланова (Raisha Aslanova). Она сказала, что ее мужа и сына убили у нее на глазах, а дочь пропала.

Десятки, сотни, возможно, тысяча человек были безжалостно убиты в этой легкой охоте на гражданских лиц и горстку защищавших их военных. Сколько именно людей погибло, невозможно сказать, не пересчитав все тела, одно за другим, но большая часть погибших остались вне зоны доступа, на нейтральной полосе между линиями противников, ставшей территорией смерти и местом вороньего пира.

Тысяча погибших за одну ночь? Это казалось невозможным. Но когда мы начали перекрестную проверку, огромные цифры потерь начали казаться слишком правдоподобными. Местный религиозный лидер, имам Садык Садыков, плакал, складывая на счетах число подтвержденных жертв. В тот день насчитали 477. Эта цифра не включала в себя ни пропавших и считавшихся погибшими, ни тех, чьи семьи были уничтожены и кого никто, кроме Всевышнего, уже не мог опознать. В этот список из 477 имен входили лишь те, кого называли выжившие, которые смогли добраться до Агдама и были физически способны выполнить, пусть не полностью, мусульманский обряд захоронения мертвых в течение 24 часов.

Элиф Кабан из агентства «Рейтер» была оглушена и на время перестала воспринимать происходящее. Моя жена Хиджран была парализована ужасом. Фотограф Олег Литвин впал в ступор и механически снимал то, на что я указывал ему: трупы, могилы и стонающих женщин, которые ногтями расцарапывали себе лица в кровь. Да, здесь требовалось мужество, но пришло время работать. Произошла резня, и мир должен был узнать об этом. Мы металась по городу, постоянно забегая в больницу, в морг и на разрастающееся кладбище, к границам периметра обороны, чтобы на месте записывать ужасающие интервью с оставшимися в живых беженцами, которые скитались разрозненными группами. Потом мы снова бежали в больницу, чтобы проверить, не поступили ли новые раненые, и возвращались обратно в морг, к грузовикам, заполненным трупами,

которые привозили для опознания и ритуального омовения перед погребением. Я искал знакомые лица, и мне казалось, что кого-то я уже видел, но я не был в этом уверен. В одном убитом узнали молодого ветеринара, он был застрелен прямым выстрелом в глаз; я пытался вспомнить, знал ли я его, или, может быть, меня познакомили с этим человеком в Ходжалы, но уверенности не было. Другие тела, уже охваченные трупным окоченением, казалось, говорили о казни: их руки были раскинуты в стороны, будто они сдавались. На некоторых головах не было волос, словно их скальпировали. Это был ужасный день.

Ближе к вечеру кто-то сказал, что военный вертолет, предоставленный на время российским гарнизоном в Гяндже, пролетит над полями смерти, и мы отправились в аэропорт. Вылета не было, но я встретил старых друзей.

– Томас, — ахнул мужчина в военной форме, крепко обняв меня, и зарыдал. — Наш начальник...

Я узнал в нем одного из парней Алефа Хаджиева, прыщавого юнца из Баку, который рассказывал, что до того, как отправиться в Карабах добровольцем, был банкиром. Он лепетал по-русски, и сквозь слезы было слышно только одно слово: командир...

Еще несколько выживших защитников ходжалинского гарнизона, спотыкаясь, подходили ко мне и сжимали в своих объятиях. Из сорока бойцов Алефа Хаджиева в живых остались только десять. Грязные, изможденные и изнемогающие под гнетом вины за то, что выжили, они рассказывали про ту ужасную ночь и следующий день — и про смерть своего командира, Алефа Хаджиева. Он был убит выстрелом в голову, когда защищал женщин и детей; и большинство женщин и детей все равно погибли.

Ближе к вечеру мы вернулись в правительственную гостиницу в центре города в поисках телефона и встретили там Тамерлана Гараева, который был совершенно истощен и измучен. Уроженец Агдама, этот заместитель спикера парламента был одним из немногих представителей властей, встреченных мной там. Он допрашивал двух туркмен-дезертиров из базирующейся в Степанакерте 366-й моторизованной пехотной бригады вооруженных сил России. Они укрылись в Ходжалы недель раньше. Последний элемент головоломки внезапно встал на место: на обреченный город напали не только армяне, но и русские.

– Говорите, говорите! - требовал Тамерлан. Двое мужчин уставились на нас.

– Мы сбежали, потому что армянские и русские офицеры били нас за то, что мы мусульмане, - рассказал один из них, мужчина по имени Агамухаммад Мутиф. – Мы просто хотели домой, в Туркменистан.

– Что произошло потом? — спросил Тамерлан.

– Потом они напали на город, — сказал второй. — Мы узнали машины нашей части.

Я подумал о командующем Сергее Шукрине, и о том, участвовал ли он в этом. Эти двое бежали вместе с остальными жителями Ходжалы и помогали группе женщин и

детей выбраться по горам, когда их нашли армяне и солдаты 366-й бригады.

– Они открыли огонь, и в одной только нашей группе было убито человек двенадцать, - сказал Мутиф. - После этого мы просто бежали и бежали.

Поддержанное русскими нападение армян на азербайджанский город и до тысячи погибших в результате?

Это была невероятная новость. Но в этот момент стали происходить непонятные вещи. Никого, казалось, не интересовала история, на которую мы наткнулись. Конечно, это было слишком — признать, что плохие парни и хорошие парни поменялись местами. Армяне вырезали азербайджанцев?

– Вы полагаете, что в одном инциденте в Карабахе погибло больше людей, чем за все четыре года конфликта? — спросил московский корреспондент службы BBC, когда я рассказал ему о резне.

– Это невозможно.

– Посмотрите, что передает «Рейтер»!

– В ленте ничего нет.

И в самом деле. Пока Элиф Кабан распечатывала копию со своего портативного телетайпа, в новостной ленте информация не появлялась. Или кто-то вырезал эти копии, или сообщение затерялось среди длинных безобидных отчетов о «противоречащих друг другу заявлениях». Откровенно говоря, правительство и пресса в Баку не особенно торопились подтвердить правдивость наших репортажей. Пока мы в Агдаме пытались сделать эти новости достоянием общественности, пресс-секретарь президента утверждал, что разрозненные группы защитников Ходжалы отбили атаку армян, и число убитых составило всего два человека. Обычная ночь в Нагорном Карабахе. Мы знали, что дела обстоят совсем иначе, но нас было лишь трое против азербайджанской государственной машины лжи. Наконец я дозвонился в московский офис «Вашингтон Пост» и сказал, что хотел бы передать статью. Штатные сотрудники были слишком заняты, чтобы записать ее, но когда я продолжил настаивать, все же неохотно переключили меня на международный отдел в Вашингтоне. Когда я назвал число погибших — 477 человек, по подсчетам имама Садыков, редакторы набросились на меня с вопросами: «Откуда я взял эти цифры, в то время как официальный Баку продолжал сообщать о двух погибших? Видел ли я все эти тела? Почему я так односторонне освещаю эти события? Армянская пресса сообщала о массированном наступлении азербайджанцев. Почему я не упомянул о нем в своем отчете?»

Я собирался ответить, что этого не было в моем сообщении по той простой причине, что ничего подобного не происходило, когда первая ракета «Кристалл» разорвалась на территории Агдама, примерно в миле от правительственной гостиницы, из которой я звонил. За ней последовали другие, и когда одна из ракет попала в соседнее здание, а взрывной волной выбило окна нашего дома в центре города, мы решили, что разумнее будет оставить телефон и спуститься в подвал, пока нас не разорвало на куски. После примерно часа, который мы провели, накрывшись матрасами, мы выбрались подышать свежим воздухом и решили, что нам будет лучше уехать из Агдама. То же самое решили еще 50000 человек, и вскоре мы

обнаружили себя в толчее из грузовиков, легковых машин, лошадей и велосипедистов, которые пытались вырваться на восток.

Моя эксклюзивная статья о Ходжалинской резне была опубликована на внутренней полосе номера «Вашингтон Пост» за 27 февраля. За ней последовала «европейская» обложка лондонской «Санди Таймс». К этому времени международные поисковые группы начали высадку парашютистов, чтобы подсчитать тела и подтвердить, что произошла настоящая трагедия. Первым из западных журналистов, добравшихся до полей смерти и выполнивших ужасающую миссию по проверке документов погибших, стал Анатолий Ливен (Anatol Lieven) из «Лондон Таймс». Его напарником на этом задании был ныне покойный Рори Пек (Rory Peck) из «Фронтлайн Ньюс», еще один настоящий профессионал и дорогой друг. Другие СМИ отработали хуже. Репортер AFP, чье имя я предпочитаю не называть, прибыл в город вечером того дня, когда мы покинули его, и назвал его «тихим», видимо, перепутав тишину, которая воцарилась после бегства 50000 человек, последовавшего за ракетными ударами, с тишиной мирного города. Другой, будучи моим гостем, оскорбил доверие Вафы Гулизаде, значительно исказив в своем материале его слова. В самый разгар кризиса появился Дуглас Кеннеди (Douglas Kennedy), сын Роберта Кеннеди (Robert). Он приехал в сопровождении переводчика-кэбэбэшника из Санкт-Петербурга и решил, что может сунуть нос в дела «Фронта» ради собственного развлечения. Я объяснил ему, что разъяренная толпа может убить его переводчика. Последовав моему совету, Кеннеди нанял двух местных парней, а потом отказался им платить.

Тем временем азербайджанские власти полностью изменили свое отношение к этой истории. Те же люди, которые были недоступны в первые дни кризиса, внезапно стали просить у меня номера телефонов иностранных корреспондентов в Москве, которых они хотели пригласить за государственный счет для освещения трагических событий в Ходжалы.

Я не очень хорошо отреагировал на эти просьбы. Я практически напал на пресс-секретаря президента Расима Агаева и публично обвинил его во лжи. Он был очень недоволен и в отместку пустил слух о том, что я якобы был армянским шпионом, посланным в Ходжалы, чтобы выведать «военные тайны» во время моей январской поездки в обреченный город. Из-за этого я был временно задержан. Мое настроение становилось все хуже и хуже. Когда меня отпустили, я отправился в центр города и обнаружил себя у частного магазина в компании спекулянтов, которые явно надеялись, что я обменяю у них доллары на рубли. И тут осознание произошедшего внезапно накрыло меня мощной волной. Вечерние улицы были заполнены улыбающимися людьми, делающими покупки. Они явно забыли о судьбе жителей Ходжалы, или же она просто не слишком их волновала. Это были те же мужчины в кожаных куртках и женщины со слишком нарумяненными щеками, они улыбались, хохотали, прогуливались, и, признаюсь, я ненавидел их за это. Возможно, они не знали того, что знал я. А может, знали, но старались не думать об этом, чтобы не сойти с ума. Происходящее было мне непонятно, и в голове воцарился туман.

Я решил, что не буду менять доллары, вышел из магазина и отправился бродить по улицам. Кажется, шел дождь, но точно не помню. Я бродил и бродил без остановки, на протяжении многих часов, будучи не в состоянии остановиться или заговорить с другими людьми.

Кто-то смеялся, наклоняясь к своей девушке или поворачивая ключ в замке зажигания. Я слышал гогот людей, выходявших вразвалку из комиссионного магазина с бутылкой финской водки под мышкой.

Мне хотелось проткнуть им шины, врезать по лицу, поджечь их дома – сделать хоть что-то, предаться насилию. Но я так ничего и не сделал, просто бродил по улицам, сторонясь людей. Так было лучше. Потом я пришел домой, сел, налил себе стакан виски и выпил его, и Хиджран спросила меня, где я был.

– В Ходжалы, – ответил кто-то голосом, не знакомым мне голосом.

Я был там, с призраками, в их мрачном городе, практически лишенном еды и воды, и все, кого я знаю и знал, были мертвы, мертвы, мертвы. Я разрыдался и долго не мог остановиться...

Трупов было не очень много. Большинство тел все еще лежали в горах — разложение коснется их лишь с наступлением весеннего тепла. Некоторые были похоронены в неглубоких могилах напротив здания правительства в Баку на Аллее шахидов, которая продолжала расти. Среди них был и Алеф Хаджиев.

Мне нравилось думать о нем, как о друге, потому что нам доводилось вместе выпивать. Веселый полицейский с уверенной походкой и улыбкой, он смог вдохнуть энергию в жителей Ходжалы, сплотить их вокруг себя и заставить поверить, что, несмотря на численное превосходство противника и почти полное отсутствие поддержки со стороны властей, они смогут продержаться и выжить. Но теперь Алеф Хаджиев был мертв. Он получил пулю в голову. Его тело неделю гнило в горах Карабаха. Потом его выкупили за 100 литров бензина и привезли в Баку, чтобы похоронить с военными почестями.

Несмотря на близость расположенного через дорогу здания парламента, никто из правительства не пришел на похороны. Наверное, это было к лучшему, ведь будь они там, они начали бы говорить о мужестве и силе духа, и Алеф, герой и жертва Ходжалы, вырвался бы из объятий смерти, выбрался из своей могилы и задушил бы лицемеров на месте своими ледяными руками. Он был именно таким парнем.

Но они не пришли, и похоронная процессия была совсем небольшой, потому что Алеф был уроженцем Ходжалы, и все или большая часть тех, кто мог бы прийти на его похороны, были либо мертвы, либо стали беженцами, которым пришлось бы добираться до Баку на машине, автобусе или поезде, чтобы сказать Алефу последнее «прости».

Исключением была вдова Алефа, Галя, пухленькая русская девушка с небольшими усиками, которая жила в Баку. Мы встречались с ней в Агдаме после резни, и она отказывалась верить, что ее муж погиб. Ее снедало не только всепоглощающее горе, но и страх — она не понимала, как будет дальше жить без него.

– Я просто русская, обычная русская! — плакала она. — Все смотрят на меня с ненавистью!

В Агдаме на каждого, кто не говорил по-азербайджански, действительно смотрели

недобро.

Я дал ей мой бакинский номер и попросил позвонить, если я вдруг смогу ей чем-то помочь. Через несколько дней она позвонила, бормоча в трубку.

– Томас, — прорыдала она, — Алеф здесь.

Сначала я подумал, что произошло чудо, ошибка при опознании, и что Алеф все еще жив. Но Галя звонила сказать, что останки Алефа выменяли у армян на несколько десятков литров бензина и привезли в Баку для погребения. Я с трудом понимал ее русский по телефону, но ей позвонить мне, наверное, было еще труднее. Однако она смогла достаточно внятно сообщить мне место и время похорон. Я пошел, не совсем понимая, чего ждать. Труп человека, убитого неделю назад, посреди гостиной? Обезображенный или оскальпированный, как многие другие тела? Мое такси проезжало по мрачному району, где находились нефтеперерабатывающие заводы, извергавшие розово-голубой дым из своих труб, по улицам, которые, казалось, никогда не ремонтировали. Мы ехали и ехали, и окружающий нас пейзаж казался бесконечно удручающим — нездоровье, разруха и мрак. Люди такое, как правило, не замечают или делают вид, что не замечают. Подобно трупам в Агдаме, увиденное нами в Баку было символом жадности и уродства правящего режима. Как можно допустить, чтобы люди так жили и так умирали?

На мои и без того расшатанные нервы действовал водитель-азербайджанец, которому беспрестанно хотелось шутить, причем по-русски. Я рассказал ему, о чем думал. Сказал, что еду на похороны моего друга Алефа Хаджиева, мученика Карабаха. Что все бакинцы — жадные трусы, что все хорошие люди погибли, а подлые попрятались. Он согласился со мной и отказался брать плату за проезд. Это был его вклад в дело национальной обороны, что-то в этом роде.

Я вышел из такси, которое остановилось напротив очереди одинаковых советских многоэтажек, планировка которых предусматривала разделение ванной и туалетной комнат. Как и всё в СССР, эти дома находились в состоянии упадка. Среди людей, пришедших проститься с усопшим, я обнаружил несколько знакомых или, по крайней мере, тех, с кем мне доводилось встречаться, и обнялся с ними. Потом я увидел Галю. Она стояла позади грузовика, в котором находился завернутый во флаг гроб, и держала за руку улыбающегося малыша, который еще ничего не знал о судьбе отца. Я сказал что-то глупое, что-то вроде «Будьте сильной». Я попытался прикоснуться к гробу, который стоял в грузовике, но не дотянулся и решил не лезть в грузовик, а подождать, когда отправится процессия.

Многие плакали. Все, кроме меня. Мои глаза были сухими, сам не знаю, почему. Потом кто-то, ответственный за церемонию, дал распоряжение, и колонна двинулась по направлению к Аллее шахидов, расположенной в верхней точке над городом. Траурная процессия прошла тот же путь, что и я утром, хотя маршрут был другой. Еще одна разбитая дорога через очередную промышленную пустыню. Это был путь Алефа в никуда, в объятия смерти.

Мы дошли до Аллеи шахидов, где вдоль гранитной стены в тени сосен и кипарисов в ряд похоронены многочисленные жертвы советских войск, погибшие во время событий 20 января 1990 г. Я бывал здесь прежде и возвращался сюда потом, но этот раз был особенным. Я был здесь не в качестве журналиста, освещающего

событие, или туриста, интересующегося политикой и культурой. Я был здесь, чтобы оплакать Алефа Хаджиева, чья могила только что пополнила второй ряд, где даты смерти усопших отличались от тех, что были выбиты на надгробиях в первом ряду. Третьего ряда тогда еще не было. Он появится позднее.

Могила Алефа была 127-й по счету: яма, вокруг которой виднелись холмики свежерытой земли. Гроб спустили с грузовика, и я присоединился к тем, кто нес останки Алефа на плечах. Мы поставили гроб в ряд могил, пока местный мулла читал суру «Аль-Фатиха», мусульманский «символ веры». Это показалось мне странным, так как я сомневался в том, что Алеф был мусульманином, разве что формально. Религиозных тем он со мной никогда не касался. Не курил, но употреблял спиртное. Это было действительно странно, ведь азербайджанцы курили постоянно, даже на похоронах. Особенно удивительно было то, что он не любил турков. Он однажды сказал мне, что видел в мусорных баках Степанакерта столько вещей с лейблом «Сделано в Турции», что больше не верит в идеалы пантюркизма.

Я вспоминал Алефа, и меня посещали те мысли, которые обычно приходят на ум, когда мы предаем земле тело близкого человека. Алеф Хаджиев стал первым в целой череде моих знакомых, умерших насильственной смертью в последующие годы, и потому о нем я думал больше, чем о многих других.

Вдова Алефа Галя и ее русские родственники были несколько смущены ритуалом, религиозными песнопениями и тем фактом, что тело человека, погибшего неделю назад, вынули из гроба, чтобы опустить в яму, прямо в землю. Они опустили тело в могилу. Солдаты почетного караула щелкнули каблуками, вставили холостые патроны в свои автоматы Калашникова и трижды выстрелили в воздух. Пустые гильзы с шумом упали на гранит дорожки. Я поднял одну и положил в карман. Потом члены семьи и близкие друзья начали бросать на тело землю. Началось оплакивание. Женщины ногтями расцарапывали себе щеки в кровь, мужчины рыдали. Меня пригласили сказать несколько слов у могилы, но я отказался. Мне было что сказать, но я не хотел говорить этого, даже на языке, который никто не поймет. Культурные различия и все такое. Сегодня я поступил бы иначе.

Потом по Аллее шахидов двинулась другая, более многочисленная траурная процессия. Она направилась к могиле, вырытой рядом с местом упокоения Алефа. Это было место на углу, и следующая могила начнет новый ряд. Ее уже вырыли, эту могилу в тени кипарисов, в ожидании нового погибшего в этом страшном месте под названием Карабах, или Черный сад. Еще больше молодых людей скоро найдут здесь последнее пристанище, и их количество превысит число убитых в Ходжалы, а события 25 и 26 февраля 1992 года станут лишь одним из эпизодов, еще одной строкой трагической статистики смертей и разрушений в Карабахе.

Я поклялся, что не забуду Алефа и всех остальных, чьих имен я никогда не знал, но чьи лица навсегда останутся в моей памяти.

Да, я буду помнить Ходжалы.

Этот город был похож на свалку. Но сейчас он был мертв.

Томас ГОЛЬЦ

«Азербайджанский дневник: приключения бродячего репортера в нефтяной
постсоветской республике во время войны».

Издательство M.E. Sharpe, Нью-Йорк, 1998 год